

В.П.Жарков

КРИЗИС И ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма /
Перевод с немецкого Л.В.Воропай. – М.: Праксис, 2010
(Серия «Образ общества», издается совместно с ВЦИОМ). – 264 с.

Ключевые слова: поздний капитализм, кризис, общественная форма-ция, неолиберализм

На немецком языке эта книга вышла в свет в 1973 г., непосредственно накануне первого глобального нефтяного кризиса, когда власти Нидерландов и ФРГ в целях экономии горючего ввели запрет на использование автомобилей по воскресеньям и знаменитые немецкие автобаны выглядели пустынно, как будто после термоядерной войны. Ее автор, помимо всего прочего известный как один из ведущих политических консультантов Социал-демократической партии Германии, считал, что социология должна отвечать на злободневные вопросы своего времени (по этому пункту он даже разошелся со старшим поколением Франкфуртской школы). Исследование было явно призвано защитить государственный контроль в экономике от либеральных посягательств, но в итоге получилось наоборот.

За годы, в течение которых «Проблема легитимации» шла к российскому читателю, в стране и в мире многое изменилось. Свой труд Юрген Хабермас начинает с констатации: «Применение Марксовой теории кризиса к изменившейся реальности „позднего капитализма“ влечет за собой определенные сложности» (с. 7). Для советского обществоведа 1970-х годов это было бы верхом смелости: даже цитирование подобной мысли могло поставить крест на дальнейшей карьере. Но уже в 1989 г., когда в разгар перестройки Хабермас впервые приехал в Москву, его здешние коллеги-шестидесятники говорили о «недостаточности» марксизма как о чем-то самоочевидном. Сегодня же, когда наконец вышел в свет русский перевод книги, многие из выросшего за постсоветские десятилетия поколения вполне могут недоуменно спросить: а что такое Марксова теория кризиса и кто вообще в наши дни ее еще применяет?

Книга состоит из трех частей. В первой автор анализирует понятие кризиса в социальных науках. Далее идет разбор кризисных тенденций в современных условиях, классифицируемых как поздний капитализм. В третьей части обсуждаются собственно проблемы легитимации (в веберовской интерпретации), дается критика современных либеральных теорий и сложившейся практики демократии. Последний параграф

«Партийность для разума» и вовсе заставляет вспомнить одну из старых ленинских работ. Впрочем, только по названию: Хабермас критикует «отступление в марксистски обрамленную ортодоксию, которая сегодня может привести в лучшем случае к неаргументированному установлению отгороженных и лишенных политических последствий субкультур» (с. 232). Столь резкий и одновременно предостерегающий пассаж неомарксист и европейский социал-демократ, очевидно, адресовал не столько ориентированным на Москву компартиям марксистско-сталинистского толка, сколько троцкистам и маоистам, приобретшим в те годы особую популярность в молодежной среде на Западе. Известно, что в 1968 г. Хабермас, уже ставший профессором и возглавлявший кафедру во Франкфурте, не поддержал массовые студенческие волнения и даже обвинил радикальных молодежных лидеров в «левом фашизме».

Но главный объект хабермасовской критики все же не левые, а неолибералы. Именно неолиберальные представления об экономике и политике, превозносящие либеральный рынок, основанный на несправедливом присвоении прибавочного продукта, и либеральную демократию, призванную путем манипуляций это присвоение оправдать и легитимировать, являются в глазах автора одним из главных источников нарастающего мирового системного кризиса. Что важно (особенно для современного российского читателя), критика эта ведется с принципиально гуманистических позиций, ставящих во главу угла ценности эпохи просвещения, свободы и прогресса, лежащие в основе многовековой традиции «староевропейского человеческого достоинства».

В этом, пожалуй, главный надрыв всей книги — не столько текстуальный, сколько даже контекстуальный. Гораздо позднее сам Хабермас признает, что в 1973 г. вместе с отменой твердого валютного курса и шоком нефтяного кризиса закончилась сдерживавшая капитализм кейнсианская модель. Последовавший через некоторое время крах СССР, и без того уже не представлявшего никакой реальной альтернативы, лишь усилил триумфальные настроения неолибералов. Эпоха «эффективных менеджеров» наступила не только в России, но и во всем мире. Казалось бы, мировой финансовый кризис-2008, по мнению большинства экономистов являющийся продолжением тенденций, порожденных именно 1973 г., актуализировал Хабермаса с новой силой¹. Однако попытки привлечь внимание к его исследовательскому подходу пока не возымели должного результата. А между тем кризис только набирает обороты.

Анализируя понятие кризиса, Хабермас отталкивается от употребления этого слова в медицинской среде, где кризис трактуется как «фаза заболевания, во время которой решается, достаточно ли будет у организма собственных сил для выздоровления». Сознание больного не имеет здесь никакого значения — «то, как пациент себя чувствует и как он сам переживает собственную болезнь, есть лишь симптом процесса, на который он сам едва ли может повлиять» (с. 8). Вместе с тем сам факт кризиса подразумевает наличие субъектности. Говорить о кризисе можно «лишь тогда, когда члены общества переживают структурные

¹ Об этом весьма обоснованно пишет О. В. Кильдюшов в предисловии к рецензируемой книге. Одним из первых внимание российского читателя к фигуре Хабермаса в связи с мировым финансовым кризисом привлек В. А. Куренной (см. Куренной 2008).

изменения как критические по отношению к состоянию системы и ощущают угрозу своей социальной идентичности» (с. 12). При этом Хабермас отнюдь не отрицает объективного характера кризиса, подчеркивая, что кризисные процессы возникают «из неразрешенных проблем управления» (с. 13). Он готов признать, что на самых примитивных стадиях общественного развития «именно внешние изменения оказываются теми обстоятельствами, которые становятся чрезмерными для узко ограниченных возможностей управления обществами» (с. 36). К таким обстоятельствам относится, в частности, демографический рост. Однако чем общество более развито, тем большую роль играют его внутренние противоречия.

Автор явно неудовлетворен трактовкой, восходящей к классической эстетике от Аристотеля до Гегеля, при которой кризис означает «переломный момент некоторого судьбоносного процесса», остающийся внешним по отношению к идентичности задействованных в нем персонажей. Не устраивает его и системно-теоретическая интерпретация кризиса, согласно которой кризисы обусловлены тем, что структура общественной системы обеспечивает меньше возможностей для разрешения проблем, нежели необходимо для сохранения самой системы. По мнению Хабермаса, подобная интерпретация «не принимает во внимание *внутренние* причины „системной“ перегрузки способности управления», в то время как «кризисы возникают не из-за случайных изменений в окружающем мире, а из-за структурно обусловленных системных императивов» (с. 9–10). Последнее, между прочим, было совершенно очевидно для большинства обществоведов советской марксистской школы с их упором на «объективные предпосылки» при объяснении социальных явлений. Кризисы не устраивают — они происходят. «Если системы сохраняются посредством того, что они изменяют свои границы и свой состав, их идентичность становится размытой» (с. 11). Этот подход к проблеме генезиса кризисов (каковые случаются вовсе не по вине «мировой закулисы») вполне применим при анализе ситуации в территориальных империях Нового времени, будь то Австро-Венгрия, Османская Порты или Россия. И уж совсем актуально для находившейся на пороге крушения советской империи звучали следующие слова: «Нормативные структуры могут непосредственно меняться из-за когнитивных диссонансов, возникающих между профанным знанием, расширенным благодаря развитию производительных сил, и догматикой передаваемых культурной традицией картин мира» (с. 26). Как тут не вспомнить многочисленные свидетельства тщетности советской пропаганды периода «застоя», когда, несмотря на «железный занавес», все больше советских граждан осознавало несоответствие между рисунной картиной и действительностью.

Кризис есть, таким образом, объективное явление. Следовательно, и поле вариаций для структурных изменений может быть выявлено только в рамках теории социальной эволюции, желательной новой, пусть и построенной на основе хорошо забытой старой. Так автор плавно возвращается к марксистскому понятию общественной формации. Важно,

что Хабермас называет формации общественными, а не общественно-экономическими, как было принято в советской версии марксизма. Прежде чем перейти к данной теме, он специально оговаривается, что производственные отношения, если они представляют собой организующие принципы общества, не следует приравнять к исторически обусловленным формам собственности на средства производства, как это делали ортодоксальные марксисты. Согласно Хабермасу, «принципы организации — это в высшей степени абстрактные правила, определяющие пространство возможностей». К тому же разговор о производственных отношениях, с его точки зрения, «ведет к узко экономическому толкованию» (с. 33). А именно этого на протяжении почти всего XX столетия так боялись западные пост- и неомарксисты.

В отличие от известной каждому, кто учился в советской школе, «пятичленки» (первобытнообщинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм, социализм и коммунизм), Хабермас выделяет четыре общественные формации: 1) так называемую «предшествующую стадии высоких культур» (vorhochkulturelle); 2) традиционную, по всей видимости объединяющую исторические периоды древности и средневековья; 3) капиталистическую, охватывающую XVIII — начало XX в.; 4) посткапиталистическую, которая, судя по всему, началась с возвращением государственного контроля над экономикой по итогам первой мировой войны и кризиса 1929 г. Ленин называл эту стадию государственно-монополистическим капитализмом, но Хабермас, обращая особое внимание на монополистический сектор современной ему западной экономики, к посткапиталистическим классовым обществам относит также СССР и другие режимы «государственного социализма» ввиду утверждения там «политически-элитарного распоряжения средствами производства». Впрочем, к началу 1990-х годов даже самые твердолобые советские марксисты признавали, что социализм, будучи стадией, переходной к коммунизму, по своей сути есть классовое общество. В предлагаемой Хабермасом схеме упоминается также некое «постсовременное» общество (с. 34), но скорее как гипотетическая и никак не проявленная опция — подробного описания того, что это такое, не дается.

Между тем политический философ встает на скользкий путь умозрительных схематизаций ровно тогда, когда пытается представить человеческую историю в виде неких стадий или ступеней роста. Занятие это столь же увлекательное, сколь и уязвимое. Богатство и многообразие реального исторического материала никогда не впишется в прокрустово ложе той или иной прогрессистской концепции. В этом отношении сам Маркс был гораздо мудрее своих многочисленных эпигонов и толкователей. Ставя во главу угла именно отношения собственности, он, как известно, выделял только две формации: первобытную бесклассовую и последующую классовую, пытаясь обосновать возможность перехода к бесклассовому обществу на более высокой стадии развития человечества. С этим, по крайней мере, гораздо труднее спорить с позиции исторических фактов. Но стоит прочитать нечто категорическое — скажем, что в традиционном обществе «система родства больше не является

² См. Павлов-Сильванский 1988 и др.

институциональным ядром социальной системы в целом», что «она передает центральные функции власти и управления государству» (с. 36), — как тут же возникают вопросы. Как быть, например, с периодом феодализма в средневековой Европе, когда функции центральной власти долгое время были поделены между многочисленными акторами, отношения между которыми строились в первую очередь на принципах родства и клановости? Ведь историки «государственной школы» и их более поздние последователи вообще не находили государства в феодальном, удельном периоде истории². В лучшем случае можно было говорить о развивающемся в условиях вассально-ленных и матримониальных отношений государственном начале. Победа же этого начала сопряжена с возникновением централизованных государств, в недрах которых довольно скоро зарождается буржуазный уклад. Если государство и становится ядром системы, то лишь на завершающей стадии развития традиционного общества, на пороге или даже в период Нового времени, в эпоху так называемого абсолютизма, предшествовавшего великим европейским революциям XVII—XIX столетий. Более ранние исторические примеры чаще демонстрируют *patrimonial state* — государство-семью во главе с царствующей династией и построенной по принципу родства правящей элитой — либо полис — государство-общину, по сути представляющее собой сообщество соседствующих семей.

Еще более смело звучит определение «либерально-капиталистической общественной формации», принцип организации которой заключается в закреплении гражданского частного права. Государство же при этом «становится придатком саморегулирующихся рыночных отношений» (с. 39—40). К сожалению, автор не называет точной хронологии, а также стран, где подобное имело место. Но совершенно очевидно, что «железный канцлер» Бисмарк, император Вильгельм I и другие создатели объединенного германского государства второй половины XIX в. едва ли отводили себе столь скромную роль в истории. Подобным образом можно трактовать разве что Веймарскую республику, однако непродолжительный период ее существования вряд ли допустимо выделять в особую общественную формацию.

Зато нацистская Германия с ее «агентами государства» в экономике уже явно посткапитализм, как и сталинский СССР. Ведь «дополнение и частичная замена рыночных механизмов государственным вмешательством означают конец либерального капитализма» (с. 58). Поздний (или пост-) капитализм во всех его вариациях (кейнсианской, советской, нацистской), по Хабермасу, характеризуется прежде всего тем, что при подобном общественном устройстве госаппарат регулирует общеэкономический оборот посредством глобального планирования, а также «создает и улучшает условия использования избыточного накопленного капитала» (с. 60). Чем при этом государственный чиновник, распоряжающийся ресурсами, отличается от бизнес-менеджера, делающего то же самое на уровне своей компании, в необходимой мере не объясняется. Зато признается тот факт, что именно в условиях позднего капитализма, когда государство вернуло себе экономическую

функцию, началась «монетизация потребительской стоимости и сфер жизни, которые прежде были закрыты для денежной формы» (с. 67), то есть образования, культуры, социальной сферы и т.п.

Однако, пожалуй, самое досадное противоречие, не согласующееся с собственными построениями автора, обнаруживается при анализе последствий посткапиталистического роста, когда Хабермас делает вполне обоснованное, но довольно неожиданное с точки зрения своих прежних рассуждений предположение. Выясняется, что пределы возможностей позднего капитализма могут быть обусловлены внешними факторами, как и при самой ранней и примитивной общественной формации, предшествовавшей стадии высокоразвитых культур. Пусть по разным причинам, но экологический фактор может оказаться роковым как в случае недостаточного развития первобытного общества, так и в случае «экспоненциального роста населения и производства» при позднем капитализме (с. 35—36 и 70—73 соответственно). Это особенно странно, учитывая, что при либеральном капитализме кризисы вырастают из нерешенности проблем, связанных с управлением, и вместе с тем «обладают характером природных катастроф» (с. 54). В чем же, спрашивается, тогда заключается прогресс, если и неандерталец с каменным топором, и почтенный профессор за кафедрой воспринимают грозящие им трудности как стихийное бедствие? Неужели только в том, что на исходе каменного века дефицит привычных ресурсов, возникший в условиях отступления ледника, заставил перейти к ремеслу и земледелию, а сегодня нефтяной коллапс и глобальное потепление грозят новым каменным веком? Выходит, что, как бы ни усложнялось человеческое общество на протяжении тысячелетий своей истории, главные вызовы, угрожающие его существованию, остаются схожими по своей природе.

«Теория социальной эволюции сегодня едва ли существует» (с. 7) — этот исходный пессимистический тезис автор подтверждает собственным текстом. Трудно сказать, сколько еще десятилетий остается на завершение дискуссий, «всю степень незавершенности» которых он пытался продемонстрировать своей книгой. В то же время нельзя не согласиться: содержание традиций, которыми жили государство и система общественного труда при либеральном капитализме, истощается, а ключевые компоненты буржуазной идеологии ставятся под вопрос. Да и прогноз Хабермаса, отмечающего, что «не исключаются констелляции, при которых управление кризисами терпит неудачи, имеющие серьезные последствия», сегодня выглядит гораздо реалистичнее, чем четыре десятилетия назад.

Библиография

Куренной В. 2008. Юрген Хабермас о мировом кризисе // *Частный корреспондент*. 21.11 (http://www.chaskor.ru/article/yurgen_habermas_o_mirovom_krizise_1270).

Павлов-Сильванский Н.П. 1988. *Феодализм в Древней Руси*. — М.